

Галина Голицына

Письма Серебряного века

Денёк выдался что надо: и солнечно, и прохладно. Не так уж часто выпадает в августе такое счастье. Ведь обычно в конце лета у нас как бывает? Если солнечно, то жара стоит такая, что никто в здравом уме без крайней необходимости и носа на улицу не высунет. А если прохлада и приходит, то обычно не сама по себе, а в компании мощного циклона, который несёт с собой шквалистый ветер, грозу, бурю, а то даже и град. И опять-таки никто по доброй воле не покинет свой дом, офис или иное спасительное убежище.

А сегодня ночью в атмосфере произошли серьёзные процессы, пришёл холодный атмосферный фронт, но без дождей. И теперь на улице было очень свежо и очень солнечно.

Я сидела в кабинете, крутила большой глобус, внутри которого помещался бар и позвякивали бутылки, и выбирала место, где мне хотелось бы провести отпуск. Только что мы с моим братом Феликсом закончили расследование одного интересного дела и получили гонорар, который обозначался суммой с пятью нулями. Я так подумала, что вполне заслужила полноценный отдых, и теперь вот выбирала на глобусе место, которое мне захотелось бы посетить.

Крутила я его, крутила, но что-то ни одно место мне не приглянулось. А другого глобуса у меня, конечно, не было.

Мы с Феликсом являемся совладельцами детективно-охранного агентства «Ангелы». Ангелами-хранителями мы становимся для всех, кто к нам обращается.

Вот и сейчас, кажется, к нам идёт клиент... Во всяком случае, голос Глафиры, нашей секретарши, звучит очень возбуждённо, а это значит, что Глаша почуяла запах гонорара. В этом плане чутьё у нашей Глаши безошибочное.

К голосу Глафиры присоединился густой бас Феликса. Ах, и братец явился, очень хорошо: не одна буду принимать визитёра.

Дверь открылась, Феликс остановился в проёме, пропуская посетителя.

Посетителем оказалась пожилая дама — грузная, с одышкой. Кивая и поминутно благодаря, она протиснулась мимо Феликса, вошла в наш кабинет и уселась на гостевой стул.

— Аня Ермолаева, мой надёжный деловой партнёр и к тому же сестра, — представил меня Феликс.

Дама снова кивнула — уже мне. Я приветливо кивнула в ответ.

Закрыв дверь, Феликс прошёл к своему столу, сел и сказал:

— Мы слушаем вас.

Дама, усевшись, немножко уже отдышалась, поэтому сказала почти без одышки:

— Меня зовут Понизовкина Дарья Михайловна. Я — племянница Аделаиды Филипповны Николаевой.

После этого дама замолчала, решив, видимо, что уже сказала самое главное. Мы с Федей (это домашнее имя Феликса) тоже молчали. Так прошло секунд десять.

Поняв, что дама больше никакой информации давать нам не собирается, Федя почесал указательным пальцем висок и спросил:

— И что дальше?

— Как это «что»? — поразилась дама. —
Говорю же: я — племянница Аделаиды Николаевой.

И снова замолчала в ожидании нашей реакции. Судя по её напряжённому ожиданию, реакция эта должна быть бурной. Интересно, с какой стати?

Чтобы не обижать пожилую женщину, Федя сказал как можно более доброжелательно:

— Извините, Дарья Михайловна, не могли бы вы сами изложить суть дела? Ваша тётя, видимо, должна была предварительно нам позвонить, да? Но она не позвонила. Хотя... Одну минуточку, я сейчас узнаю!

Он вышел в приёмную, спросил:

— Глаша, нам звонила некая Аделаида Николаева? Точно нет?

После этого он вернулся на место и развёл руками:

— Вот видите? Она не звонила.

— Молодой человек, вы надо мной издеваетесь? — поинтересовалась грузная дама.

— Что вы, что вы, Дарья Михайловна, как можно? Да вы сами можете набрать её и спросить, что ей помешало, — подвинул он посетительнице телефонный аппарат.

— Моя тётя не могла вам звонить, потому что её убили.

— Что вы говорите? — ахнула я. — И когда же?

— Давно, ещё весной. В мае.

И тут я хлопнула себя ладонью по лбу:

— Вспомнила! Это же та старая артистка, да?

— Да, это она, — сказала дама с достоинством.

Я повернулась к брату:

— Федя, я помню, она была убита в своей квартире. Там ещё много ценностей взяли! В газетах тогда писали, но как-то быстро дело заглохло...

— Вот именно — заглохло! — возвысила голос наша посетительница. — Это вы, милая девушка, нашли очень правильное слово!

— Меня Аней зовут, — напомнила я. — Я же чувствую: что-то такое в уме крутится, крутится, да только никак не пойму, что именно... Фамилия-то у неё простая, рабоче-крестьянская. Мало ли на свете Николаевых... А вот имя её запомнилось: Аделаида.

Посетительница поджала губы:

— Конечно, девушка, вы её помнить не можете, потому что вы, наверное, ещё только родились, когда она со сцены ушла. Но поверьте мне: когда-то её имя гремело!

— По всей стране? — заинтересовался Феликс.

— Ну, и по стране тоже. Она в молодости даже сыграла несколько эпизодических ролей в чёрно-белых фильмах. Ну, а уж здесь, в Тимофеевске, на её спектаклях всегда был аншлаг! Люди даже из других областей приезжали, чтобы увидеть на сцене Алечку Николаеву!

Дарья Михайловна очень натурально всплакнула и полезла в ридикюль за платочком. Промокнула глаза и снова надолго затихла.

— Продолжайте, продолжайте, — подбодрил её Феликс.

Дама махнула рукой:

— Да что там продолжать... Её убили накануне восьмидесятилетия, а она-то мечтала до ста лет дожить!

Феликс глянул на меня так беспомощно, как будто прошептал: «Караул!..»

Я мягко улыбнулась посетительнице:

— Дарья Михайловна, скажите нам: чего вы хотите?

— Я хочу, чтобы вы нашли убийцу моей тётушки. Или убийц, я же не знаю, сколько их там было.

Вид у неё при этом был такой удивлённый: что вы, дескать, сами не понимаете?

— Но ведь этим занимается милиция, — сказала я осторожно.

— Милиция этим давно не занимается! — отрезала Позизовкина.

— Как так?!

— Четвёртый месяц дело тянется, а конца-краю не видать! Я, между прочим, смотрю по телевизору «Криминальную хронику» и знаю, что если преступление не раскрывается сразу же, по горячим следам, то с каждым днём шансов остаётся всё меньше. А если следствие тянется месяцами, то...

Она помяла в руках носовой платок, снова быстрым движением промокнула глаза и сказала свистящим шёпотом:

— Мне Всеволод Олегович по-дружески шепнул, что если я хочу получить результат раньше, чем через год, то мне лучше обратиться к

вам. В приватном, так сказать, порядке.

Я непонимающе взглянула на брата: что ещё за Олегович? Кто-то из наших бывших клиентов? Не помню такого...

Увидев моё удивление, Дарья Михайловна пояснила:

— Это майор милицейский...

— ... по фамилии Коршун, — закончил её мысль Феликс и только головой покачал: — Ну, Севка, ну, удружил... Хорошо, Дарья Михайловна, мы готовы взяться за ваше дело. Но давайте прежде обсудим кое-какие формальности. Я вынужден вам напомнить, что мы — структура не государственная, а частная, поэтому работаем отнюдь не бесплатно. В связи с этим у меня вопрос: вы имеете возможность оплатить наши услуги?

— Да, безусловно, — сказала Дарья Михайловна с большим достоинством и вынула из сумки газетный свёрток.

Развернув свёрток, она показала его содержимое: одна тысяча долларов.

Дав нам возможность полюбоваться деньгами, она пояснила:

— Это — только задаток. Остальное — по итогам расследования.

Я задумчиво почесала макушку: да уж, серьёзная тётенька к нам сегодня пожаловала. А я-то подумала, что она живёт на одну пенсию,

еле-еле концы с концами сводит...

Феликс откинулся на спинку кресла:

— Хорошо. Расскажите, что произошло с вашей тётушкой.

— Понимаете, ей в этом году исполнялось восемьдесят лет. Должно было исполниться в июне. Я думаю, никто бы об этом не вспомнил, потому что она сцену оставила давно, в последние годы жила очень замкнуто: общалась только со мной да с двумя-тремя соседками, такими же старушками. Но мне было очень обидно, что бывшая прима нашего театра будет отмечать такой солидный юбилей в небольшой компании пенсионерок, и всё. И я тогда придумала вот что: я позвонила в нашу газету «Тимофеевск вечерний» и сказала, что у них есть возможность сделать замечательный репортаж для воскресного выпуска. Ну, вы же знаете, по воскресеньям событий мало, так воскресные выпуски посвящены в основном культуре. Ну, там девушка на телефоне вначале не поняла, что это вообще за Аделаида Николаева и зачем о ней писать. Но потом у неё хватило ума передать трубку главному редактору, и тот уже поговорил со мной очень обстоятельно. Сильно удивился, что тётя Алечка ещё жива. Ну, я его не виню... Не он один, многие о ней забыли. Тем интереснее показалась ему мысль сделать большую статью о ней — с фотографиями, как положено. Ведь

«Вечерку» читают в основном люди старшего поколения, молодёжь-то всё больше Интернетом интересуется... Так вот, главный редактор решил, что читателям будет приятно вспомнить свою молодость или даже детство, которое прошло в то время, когда на сцене блистала несравненная Аделаида...

— Аделаида — это её настоящее имя? — вклинилась я в разговор.

— Безусловно. Бабушка обеим своим дочкам дала красивые имена. Мою маму, например, звали Матильдой. Аделаида и Матильда. Их в детстве называли Алечка и Малечка. Бабушка готовила их для сцены. Ну, так и получилось. Алечка стала драматической актрисой, а моя мама — балериной. Знаете, мама уверена была, что родить ребёнка отважится только Аделаида, потому что для драматической актрисы фигура не играет такой решающей роли, как для балерины. К тому же сценический век балерины недолог, и тратить драгоценное время на беременность, роды, вскармливание малыша — непозволительная роскошь. Да ещё и форму можно навсегда потерять... Но случилось иначе. Мама встретила папу в самый разгар войны, они поженились, а поскольку война — дело опасное, мама отважилась на то, чтобы родить меня. Как чувствовала, что папа может погибнуть... Ну, он капитаном был, и

его аттестат помог нам с мамой выжить... Тогда, во времена карточной системы, когда все продукты строго регламентировались, это было очень важно! А потом у мамы обнаружился диабет. И всё пошло прахом... Ей сначала одну ногу отрезали, потом — вторую... Сами понимаете, как тяжело это было. В основном в моральном плане, хотя и в физическом тоже. А потом мама умерла. Тихо так, спокойно. Во сне. Врачи сказали, что у неё тромб оторвался. И мы с тётёй Алечкой остались вдвоём.

Сидеть Феликсу давно надоело, поэтому он встал, прошёлся по кабинету и спросил:

— Надеюсь, ваш столь подробный рассказ имеет непосредственное отношение к гибели вашей родственницы?

— Безусловно! Я просто хочу, чтобы вы поняли: у меня не осталось на свете никого ближе тётки Аделаиды. Поэтому я хотела сделать ей подарок к восьмидесятилетию: большую статью в «Вечерке». Главный редактор сказал, что пришлёт к ней своих корреспондентов, и мы договорились на конкретное время. Так вот, пришли из редакции двое: девочка-журналистка и мальчик-фотограф. Девочка взяла у тётки Али интервью, а мальчик сфотографировал её и взял кое-что из старых фотографий и афиш — ну, чтобы в редакции отсканировать на компьютере и вставить в материал. Алечка с радостью отдала, потому что ей

самой приятно было вспомнить то время. А потом, где-то через неделю, девочка должна была прийти снова, чтобы показать Аделаиде готовую статью, сделать последние правки и отдать взятые на время фотографии и афиши.

Но когда она пришла в назначенное время, ей никто не открыл. Она позвонила соседке и попросила её передать Аделаиде снимки, когда та появится. А самой девушке ждать было некогда. Но соседка обеспокоилась: куда могла подеваться Аделаида? Ведь она даже в магазин редко выходила, в основном я ей продукты приносила. Тогда они уже вдвоём — журналистка и соседка — стали стучать и звонить, но дверь им так и не открыли. Соседка — её зовут Полина Григорьевна, милейшее существо — позвонила мне домой и спросила, не положила ли я тётушку в больницу. Ну, такой вариант ведь тоже мог быть! Но когда я услышала, что тётя не открывает дверь, я чуть сознание не потеряла. Тут же примчалась туда с тётушкиными ключами в полной уверенности, что тётю или парализовало, или инфаркт у неё случился, или тромб оторвался, как у мамы когда-то... Но всё оказалось ещё хуже. Тётя сидела в кресле с простреленной головой, а все ящики в доме были вывернуты, вещи валялись на полу... Ой, это был такой ужас, что я вам передать не могу...

Она снова прижала к глазам платок.

Я поёрзала в своём кресле, потому что поняла, что эта посетительница у нас здесь, скорее всего, и заночует. Уж больно обстоятельно рассказывает.

Но Феликс уже включился в работу:

— Так, понятно. И что же пропало?

— Ну, я сначала даже понять ничего не могла. Просто стояла и тупо смотрела на простреленную голову тёти. А Полина Григорьевна быстро сообразила, что надо делать. Она позвонила по «ноль-два» и велела нам с девушкой ничего не трогать до приезда милиции. Когда милиционеры приехали, все положенные манипуляции проделали, труп увезли, у меня тоже стали спрашивать, что конкретно пропало из дома. Но разве я могла так сразу сказать?.. Надо было сначала разобрать оставшиеся вещи, разложить их по местам, а потом уже посмотреть, чего конкретно не хватает. Но я была тогда не в себе: ходила по квартире, как сомнамбула, и просто перекладывала вещи с места на место. Никак не могла сообразить, что где лежало раньше... В общем, постепенно разобралась, что там пропало. Ну, конечно, драгоценности все похитили. Их и было-то немного, но всё-таки кое-что было... Картины со стен забрали. Причём рамки оставили, а полотна из них повырезали. Я по телевизору видела: так похищают картины из музеев. Хотя те картины, что

были у тёти, никакой особой ценности не представляли... Деньги если и взяли, то сумма была несерьёзная. Но самая главная потеря — это архив.

— А какую ценность он представлял? — оживился Феликс.

— Видите ли, наша прабабушка была литературно одарённым человеком, во времена своей молодости писала стихи. И даже, представьте себе, состояла в переписке с самыми известными акмеистами — Гумилёвым, Городецким, Мандельштамом и даже с великой Ахматовой. Вернее, это не переписка в полном понимании, как мы привыкли... Дело в том, что прабабушка до революции жила в Петербурге и была со всеми этими людьми знакома лично, представляете? Ну, тогда же все они были просто милыми молодыми людьми, которые хотели самовыразиться посредством поэзии, хотели донести свои мысли до широких масс. Поэтому, конечно, они не вели очень уж замкнутую жизнь, а наоборот, старались общаться с интеллигенцией, особенно с молодёжью, устраивали литературные вечера... И на таких вот вечерах наша прабабушка с ними встречалась, беседовала, и нередко эти молодые поэты дарили ей — да и не только ей! — те рукописные листочки, с которых они читали свои новые стихи. Вот эти-то листочки мы всегда хранили как зеницу ока. Правда, там ещё были и

письма. Два письма Ахматовой и одно — Мандельштама. Ну, это когда прабабушка с бабушкой уже здесь жили, в Тимофеевске...

Под мерное журчание её надтреснутого голоса я задремала, сложив руки на столе и положив сверху голову. Очень это всё, конечно, познавательно, но так скучно...

Феликс, проходя мимо моего стола, слегка щёлкнул меня по макушке: не спи, замёрзнешь! Я моментально села ровно, выпрямила спину и вытаращила глаза, как новобранец на плацу: я, дескать, вся — внимание!

— ... а поскольку я оказалась в нашем роду последней, то тётя Аделаида велела мне после её смерти передать все эти бесценные бумаги в наш областной музей. Конечно, эти документы ушедшей эпохи могли бы стать настоящей жемчужиной частной коллекции, но как-то не хотелось, чтобы они были похоронены в чужом шкафу...

— А что, предпринимались попытки купить их у вас? — заинтересовался Феликс.

— Нет, мы же не афишировали, что владеем таким богатством. Понимаете, для нас это было богатство совсем другого рода, нематериальное... Для любого коллекционера или музея важно то, что эти листочки исписаны рукой великих людей. А для нас куда более важным был тот факт, что эти листочки были подарены или даже специально

написаны для нашей прабабушки. Ну, как вам объяснить... Вот фамильные драгоценности ценятся ведь не столько наличием драгоценных камней, сколько тем, что они — фамильные!

— Да-да, я понимаю, — закивал Феликс. — То есть вы предполагаете, что охотились именно за этими документами?

— Нет, юноша, я другого боюсь. Чтобы понять ценность такого архива, нужно в этом очень хорошо разбираться. А ворами могли оказаться люди самые серые, необразованные. Вполне могло быть так, что воры сгребали всё подряд по принципу: вали кулём, там разберём! Поэтому своими настоящими трофеями они могли посчитать две пары серёжек с синтетическими камнями и несколько колечек советской штамповки, которые были у тёти.

— Так чего вы хотите больше: убийц найти или архив вернуть? — не выдержал Феликс.

— У меня, юноша, две цели. Я хочу найти этих подонков, чтобы их можно было за убийство безобидной и беспомощной старушки наказать по всей строгости закона. Ну, и архив вернуть, если удастся. Если, конечно, они не выбросили его на помойку... Но ведь обе эти цели неразрывно связаны, не так ли?

— Да, вы правы. И мы с сестрой немедленно приступим к вашему делу. Я сейчас свяжусь с

майором Коршуном, а вы с Аней поезжайте в тётушкин дом.

— Но туда нельзя! — всполошилась Понизовкина. — Там опечатано ещё...

— До сих пор опечатано? — удивился Феликс. — Четвёртый месяц подряд? Ничего себе... И чем они это мотивируют?

— Так я же не спрашивала...

Феликс хмыкнул:

— Напрасно! Они, похоже, просто забыли об этом. Ладно, нас квартира пока не очень интересует. Аня с соседями поговорит. Для начала нам этого будет достаточно.

— Но ведь милиция уже говорила с ними! Причём сразу же. И никто, представляете, никто ничего не видел и даже не слышал!

— Дарья Михайловна, но вы же разочаровались в работе милиции и обратились к нам, — напомнил Феликс. — Так уж теперь позвольте нам поработать, как мы сами это понимаем.

— Да, конечно, конечно, — забормотала посетительница и стала постепенно вставать.

Однако сделать ей это было не так-то легко: и возраст, и вес огромный, и вообще разволновалась...

Мы с Федей подскочили к ней, подхватили под белые руки и повели к двери.

На улице я усадила её в машину, сама села за руль и сказала:

— Будете моим штурманом.

— Есть, мой командир! — отсалютовала Дарья Михайловна.

А бабулька-то ничего оказалась, с юмором...

Штурманом она оказалась действительно неплохим, поэтому доехали мы сравнительно быстро, почти ни разу не заблудившись. Дарья Михайловна действительно очень добросовестно прокладывала маршрут. Она хотела попасть к нужному дому по самому короткому пути, но чем больше она этого хотела, тем хуже получалось: два раза мы утыкались в знак «пешеходная зона», и мне приходилось разворачиваться, давать круг, а это лишнее время и лишняя трата бензина. Но я на неё не сердилась. Ну, во-первых, она же клиентка, а клиент в нашем деле — царь и бог. А во-вторых, она же хотела как лучше, но забыла, что едет в машине, и дорогу показывала ту, по которой привыкла пешком ходить. Она страшно из-за этого смущалась и нахваливала меня: какой я замечательный водитель. А я её успокаивала и убеждала, что нам ещё никогда не попадалось клиентов, которые были бы такими прирождёнными штурманами. Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку...

В общем, по прибытии на место мы с ней уже были закадычными подружками.

Обход дома решили начать с Полины Григорьевны. Ну, раз уж это она подняла тревогу, то ей и карты в руки.

Полина Григорьевна действительно оказалась милейшим существом. Не соврала Дарья Михайловна! Это была невесомая старушка со сморщенным личиком. Одета она была в такую смешную кофточку: так одевались казачки в старинном фильме «Тихий Дон». К этой кофточке прилагалась длинная, до щиколотки, юбка, покрытая сверху пёстрым длинным фартуком.

Узнав Дарью Михайловну, старушка посторонилась, пропуская нас, и посмотрела на меня с интересом.

— Вот, Полина Григорьевна, я детективщицу привела! — представила меня мадам Понизовкина.

Я кивнула, улыбнулась и сказала:

— Только не детективщицу, а детектива.

— А какая разница? Детектив — это твой брат, потому что он мужчина. А ты — женщина, значит — детективщица. Ну, это как «продавец — продавщица», «уборщик — уборщица».

— Нет, извините. «Дектективщица» — это женщина-писатель, которая сочиняет детективы. А женщина, которая расследует преступления, тоже, как и мужчина, называется «детектив».

Кажется, я их убедила. А может, им просто было всё равно.

После этого увлекательного экскурса в этимологию модного нынче слова пора было приступить к делу.

Бабушка Поля пригласила нас в кухню, где у неё в духовке стоял противень с пирожками. Надо же, настоящая старорежимная бабушка! Длинная юбка, платочек на голове, пирожки в духовке... Я думала, сейчас таких уже нет...

Она приоткрыла дверцу духовки и заохала:

— Ох, надо же! Ещё бы немножко — и совсем бы сгорели! Уже начали...

Она споро выхватила противень из духовки и поставила его наверх плиты. На мой взгляд, пирожки гореть и не думали, так только, слегка подрумянились. Но спорить я не стала: она хозяйка, ей виднее.

Дверной звонок затрезвонил так, что даже я обомлела. А Дарья Михайловна так вообще за сердце схватилась.

Шустрая бабулька стремглав бросилась открывать, а Дарья Михайловна прошептала мне, едва шевеля побелевшими губами:

— Что за переполох? Не дай бог, ещё кого-то убили...

Из прихожей донеслась беседа на повышенных тонах:

— Где ты так изгваздался? Вот я тебя сейчас...

— Баба Поля, не шуми! — возмутился детский голос. — Ты лучше скажи: пирожки готовы?

— Готовы, готовы, мой руки и приходи в кухню.

— Не хочу в кухню! Хочу на улице есть! Ты дай мне три штуки: ещё Лёшке и Серёжке.

Полина Григорьевна примчалась к нам, схватила с противня три пирожка, бросила их на картонную одноразовую тарелку в виде подносика. Надо же, какая современная, какая продвинутая бабушка! Даром что одевается как в позапрошлом веке...

— Внук? — спросила я, чтобы сделать ей приятное.

— Правнук. Внуку моему уже тридцать лет. — И умчалась назад в прихожую.

Там они с правнуком ещё немножко повывясняли отношения насчёт того, надо ли мыть руки перед едой или смысла нет, раз уж всё равно еда будет происходить на улице. Победила, конечно, молодость, которая побежала на улицу есть пирожки грязными руками. Было слышно, как баба Поля захлопнула дверь и что-то пробормотала вслед детскому топоту.

После этого она снова возникла в кухне и

сказала:

— А чего вы, девочки, сидите как в гостях? Берите пирожочки, угощайтесь!

При слове «девочки» я прыснула: ладно уж я, но Дарья Михайловна?!

Бабушка Поля абсолютно правильно истолковала мою реакцию и прикрикнула:

— А чего ты смеёшься? Ишь, хмыкает она... Дарья на моих глазах выросла. Конечно, девочка! Я запросто могу её удочерить.

Эта невесомая старушка говорила быстро, а работала ещё быстрее. Пока меня отчитывала, достала из холодильника компот, налила его в две большие глиняные кружки и поставила их перед нами: пейте, гости дорогие!

Кружки, конечно, были не старинные, деревенские, а так, новодел, из какого-то современного сервиза «под старину», но всё равно пить из них было вкусно. А может, дело вовсе не в глиняных кружках, а просто компот у бабы Поли такой вкуснющий...

Пирожки оказались с картошкой. Меня это удивило. Я ожидала, что начинка будет фруктовая — ну, абрикосовая, к примеру, сейчас как раз сезон... Но у бабушки Поли, видимо, была своя логика: что такое абрикосы? Так, баловство одно... А вот картошка — это да! Это сытно, полезно, привычно. Это уже почти что обед.

Я впервые ела духовые пирожки с картофельной начинкой. Моя бабушка пирожки с картошкой всё больше в масле жарила, на плите. А уж если пекла что-то в духовке, так обязательно со сладкими начинками. Ну, люди интересны уже тем, что все они — разные...

Пирожок я съела быстро и с удовольствием. Компот в кружке ещё остался, поэтому я, потягивая его маленькими глоточками, завела беседу:

— Полина Григорьевна, а что вы можете рассказать об убийстве вашей соседки?

— Так ведь ничего не могу, — удивилась она. — И милиция тоже всё выпрашивала, а что я скажу? Кабы слышала, как её убивают, так уж до утра бы дожидаться не стала, можете быть уверены! Я бы сразу выскочила!

— А накануне убийства или на следующий день вы не обратили внимания на что-нибудь подозрительное? Может, люди какие-то незнакомые вокруг вашего дома ходили? Или вещи подозрительные вам на глаза не попадались?

Она немножко подумала и пожала плечами:

— Нет, ничего такого не было... Не видела и не слышала. Милицейские сказали, что застрелили её вечером. А я вечером никаких выстрелов не слышала. Правда, я в это время всегда сериалы смотрю. Сначала наш, российский. Очень я его люблю: все артисты знакомые. А потом начинается

уже не наш, заграничный. Ну, там такая любовь, такие страсти... Наши так никогда не смогут! Этот сериал я тоже люблю, всегда смотрю, а потом спать укладываюсь. Когда телевизор работает, я ничего не слышу. А когда спать укладываюсь, так слуховой аппарат снимаю, и тогда уже тоже ничего не слышу.

Ах, вот так пассаж! Ценный свидетель, ничего не скажешь...

— Полина Григорьевна, а как потом всё происходило? Ну, когда убийство это обнаружилось?

— Ну, так я же всё вам подробным образом рассказала, — заволновалась моя новоприобретённая подруга Дарья Михайловна.

— Так то — вы, — осадил я её, — а я хочу послушать Полину Григорьевну. Рассказывайте, пожалуйста, — обратилась я к старушке.

Та снова пожала плечами:

— Ну, как... Пришла ко мне девушка незнакомая. Не в дом пришла, а так только, в дверь позвонила, говорит: я тут к соседке вашей пришла, а она чего-то не открывает. А я хотела ей фотографии старые отдать. Только ждать мне некогда, вы уж сами ей передайте, когда она появится. И бумажки мне суёт — в прозрачном пакетике, жёлтенькие. А я браться не стала, говорю: постой-ка, что значит «не открывает»? Быть такого

не может!

И дальше бабушка Поля изложила мне всё в том же порядке, что и Дарья Михайловна.

Сама Дарья Михайловна смотрела на меня с нескрываемым торжеством: что я вам говорила?

— А что это за девочка? — заинтересовалась я.

— Из газеты вроде бы. Корреспондентка. Ну, это вы в милиции спрашиваете. Они все её данные записали, потому как мы с ней понятыми вроде как были. Да, в милицию обращайтесь, в милицию...

— Без надобности, — улыбнулась Понизовкина. — Оказалось, что журналистка эта — внучка Анатолия Ивановича Ремезова. Не знаете, кто это? А впрочем, где вам... Он же почти что Алечкин ровесник... Они вместе на театре служили. Он, правда, лет на семь её моложе, так что не совсем ровесник... Но они оба — люди ещё того поколения, старого. Я когда с горем своим в редакцию пришла, меня познакомили с Лизой. Это та журналистка, что статью об Аделаиде готовила. Очень приятная девочка. Интеллигентная, милая, начитанная. Мы с ней разговорились, и выяснилось, что она — внучка Ремезова. Не родная, правда, а двоюродная. У самого Ремезова детей нет, он абсолютно одинокий человек, а Лиза — это внучка его родной сестры. Правда, ни сестры, ни её мужа уже нет на свете, так что он — единственный

Лизочкин дедушка.

— А что, родителей у Лизы нет?

— Почему же нет... Есть и мама, есть и папа. Только они же — взрослые люди, им дедушки не нужны. А Лизе нужен. Лиза — это дочка его племянницы, — пояснила Дарья Михайловна, чтобы мне уж совсем всё было ясно.

В общем, мне стало понятно, что пора отсюда сматываться. Баба Поля помочь нам в расследовании вряд ли сможет, но зато может нахвататься секретных материалов, которые ей знать совсем ни к чему. А она же ещё и понесёт сплетни по деревне... Вот не хватало!

Распроставшись с хлебосольной хозяйкой, мы вышли во двор и сели на лавочку.

— Может, поспрашивать соседей сверху? — рассуждала я вслух.

— А там и расспрашивать некого, — просветила меня Дарья Михайловна. — Там старушки давно поумирали, внукам в наследство квартиры оставили. А внуки те квартиры продали, и они теперь практически все в одни руки попали. Один бизнесмен все эти квартиры скупил. Теперь сдаёт внаём, деньги свои назад отбивает. Так квартиранты там очень часто меняются. Бывает, и посуточно сдаёт. Там из тех, майских, уж и не осталось никого.

— Тогда, я думаю, здесь больше нечего

ловить. Я полагаю, мне надо вернуться в агентство и узнать, что за это время удалось нарыть моему брату. Он же с милицией собирался связаться, а у тех всё-таки есть какие-то материалы. Если они не пожлобятся, поделятся с нами информацией, глядишь, и мы будем знать, где надо искать особенно интенсивно... Вас подвезти домой?

— Спасибо, незачем. Я вот здесь пройду через дворы, и через пятнадцать минут буду уже дома. Тем более я собиралась ещё на почту зайти... До свидания, Анечка. Рада нашему знакомству. Надеюсь, вы оправдаете ту славу, что идёт о вашем агентстве.

— Вы не пожалеете, что обратились к нам! — пылко заверила я её.

На этой оптимистической ноте мы и распрощались. Дарья Михайловна ушла, я же села в машину и задумалась.

Итак, что я узнала? Ничего нового. Просто подтвердилось то, о чём нам ещё утром поведала Понизовкина. Ну, и стоило сюда ехать?

Нет, так нельзя. Раз я уже здесь, то уезжать смысла нет. Надо постараться получить максимум информации.

Я вышла из машины и обошла вокруг дома. Дом был построен на месте не очень ровном, как бы на косогоре, поэтому фундамент, сделанный из другого материала, имел вид очень сильно

вытянутого треугольника. Слева фундамент был высокий, а к правому краю дома, к последним окнам, он как бы сходил на нет. Квартира Аделаиды Филипповны Николаевой находилась слева, как раз там, где фундамент был достаточно хорошо виден. Поэтому окна её квартиры, которая находилась на первом этаже, были расположены высоко над землёй. Заглянуть в них с улицы было невозможно. Я стояла прямо под её окном, и от моей макушки до подоконника было ещё сантиметров двадцать.

Да, заглянуть в такой высокий первый этаж непросто, но вот влезть сюда — запросто. Тем более что на окнах нет даже самых примитивных решёток. Надо будет узнать у Севы Коршуна, не через окошко ли влезли злоумышленники...

Я ещё немножко потопталась у окон, даже попрыгала, примеряясь, насколько просто или непросто было бы сюда влезть через окно, если бы я вдруг захотела.

Так, Аня, молодец, хорошо рассуждаешь. Мысль, в принципе, здравая. Злоумышленники могли и не разбивать окно, а просто использовать «форточника» — ребёнка или очень худенького подростка, который без труда пролезает в открытую форточку, а потом, тихо отворив окно или даже входную дверь, впускает в дом всю банду.

Однако вряд ли грабители таскали за собой

лесенку-стремянку. «Форточника» кто-то должен был посадить, это понятно... Но кто посадит меня?

Я оглядела двор. Было пустынно, тихо. Дом этот небольшой, малоэтажный, старый-престарый. Эта улица вся застроена такими вот трёхэтажными симпатичными домиками, не имеющими ничего общего с типовыми постройками последних лет. Помнится, моя бабушка рассказывала, что дома эти после войны строили пленные немцы. И проект немецкий, и исполнение качественное, на века. Что за люди эти немцы! Даже для врагов строили на совесть. А всё почему? Потому что не научены работать плохо, некачественно. В общем, немцы тогда строили для врагов так, как будто для себя, а потом уже, много позже, наши строители строили для себя так, как будто это — для врагов. Парадокс...

Однако как бы мне подтянуться до уровня окна?

Я ещё раз окинула взглядом окрестности. Ага, вот у мусорного контейнера свалены в кучу какие-то ящики и коробки. Как раз то, что мне надо.

Я подошла, поворошила их ногой. Ну, картонные коробки мне ни к чему, а вот из деревянных ящиков я выбрала самый, на мой взгляд, крепкий, вытряхнула из него строительный мусор (осколки битой кафельной плитки) и понесла

его к окнам Аделаиды. Ящик был весь обсыпан не то побелкой, не то штукатуркой, и руки у меня стали совсем белые. Ужас какой-то...

Подтащив ящик вплотную к стене, я влезла на него двумя ногами и, держась руками за жестяной подоконник, потопталась, проверяя его крепость. Ящик оказался достаточно крепким и подо мной не развалился, однако и пользы от него было немного: я смогла только-только заглянуть в окошко. Это мне совсем ничего не дало, так как окно изнутри было занавешено тюлевыми занавесками. Ну совсем ничего не видно!

Досадуя, я спрыгнула с ящика на землю, достала носовой платок и стала энергично оттирать руки от белёсого налёта штукатурки — ну, или чем там был вымазан этот ящик.

— Зря стараетесь! Там уже давно всё украдено, — услышала я над ухом насмешливый голос. — Так что выпачкались вы совершенно напрасно.

Я обернулась. За моей спиной стояла девушка примерно моих лет и улыбалась от уха до уха.

— Всегда приятно встретить в людях сочувствие и понимание, — пробормотала я, продолжая оттирать ладони. — А вы что же, живёте в этом доме?

— Нет, я живу в доме напротив, но знаю, что в этой комнате убили старушку и забрали ценности.

Родиона Раскольниковова, как водится, не нашли, и теперь остаётся только ждать, пока сам явится с повинной.

— Долго ждать придётся. Милиция на такую высокую сознательность преступников даже не надеется, потому и прибегает к помощи частных детективов. А я вот как раз частный детектив и есть. Меня зовут Аня Ермолаева. Хотела бы подать вам руку, да не могу: уж очень она грязная.

— Так давайте ко мне поднимемся! Вымоете руки, — предложила девушка.

При словах «милиция прибегает к помощи частных детективов» у неё загорелись глаза. Она решила, что сейчас я расскажу ей массу интересного.

Ошибаешься, милая... Это ты сейчас расскажешь мне массу интересного, сама о том не подозревая.

Мы пошли в соседний дом. Квартира моей новой знакомой располагалась на втором этаже, причём представляла собой вовсе не жильё, а творческую мастерскую: везде были разбросаны тюбики с красками, импровизированные палитры, сделанные бог знает из чего, стояли сосуды, сделанные из обрезанных пластиковых бутылок, и в них отмокали кисти...

— Вы — художница? — ахнула я.

— Как догадались? — притворно округлила

глаза хозяйка.

— Ну, на то я и частный детектив, — сказала я с самодовольной улыбкой придурка-сыщика, пародируя сразу все известные мне боевики.

— Меня зовут Анжела, — представилась хозяйка мастерской. — Да ещё с фамилией так повезло: Малеева...

— Чем же вам фамилия не угодила? — искренне удивилась я. — Нормальная фамилия, очень даже хорошая...

— Ага, хорошая, только не для художницы. Меня всю жизнь так и дразнят: ну, это та Малеева, которая всё время что-то малюет! И даже «Малюевой» обзывают...

— А вы что, так плохо рисуете?

— Да хорошо я рисую! Мои работы на бульваре Пушкина мигом расхватывают! Вот конкуренты и мстят.

— А что им делать остаётся? Только ядом плевать, раз уж работы их никому не интересны.

— Вы правда так думаете? — просияла Анжела.

Надо пояснить, что такое наш бульвар Пушкина. Ну, это как Арбат в Москве, как Андреевский спуск в Киеве, как Екатерининский сад и Конюшенная площадь в Питере, что напротив Спаса-на-крови, как Монмартр в Париже. В каждом же городе есть такое место, где творческие

личности выставляют на обзор и продажу свои гениальные произведения.

Оказалось, что моя новая знакомая не матрёшек расписывает, а рисует жанровые картинки. Сейчас у неё на мольберте была начата картина, в которой я уловила знакомые черты.

— Минуточку, Анжела... А этот дом...

— Да-да, Анечка, вы правы. Это — дом напротив. Ну, тот самый, где старушку пришили.

— А зачем вы его рисуете? Считаете, что дом «с криминальным прошлым» будет продаваться дороже?

Анжела от души расхохоталась:

— Да что вы, Аня! При чём здесь «криминальное прошлое»? Вам, детективам, везде один только криминал чудится, да? Нет, я просто недавно поймала в объектив один потрясающий кадр, вот с него теперь картинки и рисую. Смотрите!

На стенке за мольбертом висела действительно потрясающая фотография: на крыше какой-то малой архитектурной формы сидели два кота и орали друг на друга, до предела распахнув свои пасти. А между их головами висел лунный диск. Зрелище было настолько великолепное, что даже не верилось в его натуральность. У меня даже шевельнулась мысль: а не постановочный ли это кадр?

— Правда, здорово? — радовалась Анжела, видя мою реакцию. — Я как это увидела, сразу же схватила фотик и клацнула. Несколько раз клацнула, потом рассмотрела все снимки на экране и выбрала этот. Он самый классный!

Оказалось, что фотоаппарат у Анжелы цифровой, и снимки можно тут же рассмотреть на компьютере, а если надо, так и подправить.

— Так вот, я вывела его на бумагу и повесила перед собой. Теперь срисовываю и продаю на бульваре. С руками отрывают!

Я искренне удивилась:

— Зачем же срисовывать? Печатали бы фотографии и продавали. Насколько меньше работы!

— И настолько же меньше денег! Ну, сколько может стоить фотография? Сущие копейки... А картина — это всё-таки картина... Я сейчас даже на бульвар не хожу пока что. У меня уже четыре заказа на этих «лунных котов», только успевай рисовать...

— А где это они сидят?

— На крыше продуктового киоска. Вон он стоит! — махнула она рукой в сторону окна.

Я подошла, выглянула. Из окна мастерской открывалась панорама всего двора. И киоск, который Анжела громко назвала «продуктовым», тоже виден был: невзрачнейший, с облупившейся

краской. Нет, это я не отсюда рассмотрела, а увидела, когда рядом с ним ошивалась, рассматривая окна Аделаиды. Продавали там, кажется, печенье, чипсы и жвачку. Такие вот «продукты».

Фотография захватила больше пространства, чем было нужно для картины. В объектив попала также подъездная дверь. На снимке было видно, как из подъезда выходят какие-то люди.

— Кто это? Соседи Аделаиды?

— Какие там «соседи», — махнула рукой художница. — Я и не знаю их вовсе. Там же почти все квартиры сдаются внаём, жильцы меняются то и дело... Просто люди какие-то, но мне без разницы, я же людей не рисую, только котиков...

И она любовно погладила указательным пальчиком фотографию.

Кстати, что значит освещение! Ободранный киоск, который днём смотрелся так убого, ночью выглядел таинственно, и его вполне можно было принять за что-то приличное. Ну, при хорошо развитом воображении, конечно... Но мне-то фантазии не занимать!

Я сказала:

— Анжела, зачем вам рисовать обычный дом, обычный киоск? Это же такая проза... Нарисуйте так, как будто коты эти сидят на крыше средневекового замка, а в замке живёт злая

колдунья...

— А что, это мысль!..

Анжела даже замерла посреди комнаты. Взгляд её остановился. Думаю, она мысленно уже прикидывала, как будет выглядеть новая картина.

Мне очень не хотелось вырывать её из царства грёз, но пришлось:

— А вы не помните, когда было сделана эта фотография? Случайно, не в ночь убийства?

Она пожала плечами:

— Да не помню я... Чаю хотите? Или кофе? У меня и водка есть...

Я засмеялась:

— Какая вы запасливая! Нет, благодарю покорно, у меня сегодня дел — невпроворот! Угостите меня лучше фотографией.

— Это в каком смысле?..

— Ну, вы же говорили, что у вас она есть в компьютере! — Она молча кивнула. — Ну, так выведите и для меня экземплярчик. Уж больно хороши котики... Да не бойтесь, я рисовать не умею, так что конкуренции с моей стороны точно не будет!

— Да без проблем, господи!

Она включила компьютер, нашла нужный кадр и вывела его на бумагу.

Я попросила:

— Напишите с обратной стороны свои

данные. У любого снимка, как и у любой картины, всегда есть автор. Страна должна знать своих героев!

Она польщено улыбнулась:

— Как хорошо, что вы это понимаете! А то отстаивать в суде свои авторские права — это такая головная боль...

Потом она написала всё, что посчитала нужным, с обратной стороны снимка и отдала его мне.

Приехав в агентство, я обнаружила, что Феликс на месте. Небывалый случай...

Прямо с порога я напустилась на него:

— Эй, лежебока, ты что здесь делаешь? Бастуешь, что ли? У нас клиент, работа, а он здесь штаны протирает! Забыл разве, что волка ноги кормят?

Он посмотрел на меня укоризненно:

— Не только ноги, но и уши! Чего без толку по лесу бегать? Иногда полезнее остановиться и прислушаться.

— Да неужели... И что полезного ты услышал?

— Целый час с Севкой Коршуном по телефону трепался.

Я не поверила:

— С Севкой — целый час?! Брось, Федя... Он

же — человек военный, докладывает быстро и чётко. Да он и слов столько не знает, чтобы час целый говорить!

— Зря обижаешь хорошего человека. Севка же — майор, а значит — не дурак. Дураку такое высокое звание ни за что не присвоят. Ну, капитана разве что...

Я размахнулась и швырнула в него несуществующий кирпич. Федя, подхватив игру, откинулся на спинку кресла, схватился рукой за правую половину лица и застонал: ну, типа, он этот кирпич глазом поймал. В общем, пантомима удалась на славу.

— Ладно, не томи, рассказывай! — потребовала я.

— А кирпичами больше швыряться не будешь?

— Буду. Если сию же секунду не получу информацию, ещё как буду! — пригрозила я.

Брат вздохнул:

— Ну, делать нечего... Слушай, садистка, ты у нас прямо кандидат гестаповских наук!

— *ФЕ-ДЯ!*

— Ладно, слушай. Коршун говорит, что это — классический висяк. Так что права оказалась эта Понизовкина. По горячим следам не раскрыли, а теперь и вовсе надежду потеряли. Следов взлома нет, выходит, бабушка им сама дверь открыла.

— Слушай, Федь, там квартира-то на первом этаже! Ну, вполне мог форточник залезть, а потом тихонечко подельников через дверь впустить...

— Ага, а бабушка всё это время спокойно сидела в кресле и ждала, когда же форточник в окно влезет, остальных в дом впустит, а те её убьют... Ты думай, что говоришь!

— Вот я-то как раз и думаю, версии строю! — обиделась я. — Нет бы похвалить сестру, так вечно ты ругаешься. А я, между прочим, там вся вымазалась, пока вокруг Аделаидиных окошек скакала. Да, ещё с такой художницей необыкновенной познакомилась! Она делает фотографии, а потом с них картины срисовывает и продаёт на бульваре. Вот, гляди, что за прелесть!

Я похвасталась трофеем. Феликс рассмотрел ночной пейзаж очень внимательно:

— Это что за дом? И что за люди?

— Это дом Аделаиды. И подъезд как раз её. А что за люди — неизвестно. Там квартиры внаём сдаются, причём посуточно, так что вряд ли можно теперь установить их личности.

— Жалко, что посуточно. Ладно, если других зацепок не найдём, придётся всех этих квартиросъёмщиков разыскивать и опрашивать. А что делать? Может, кто-то что-то видел или слышал. А может, как раз кто-то из квартирантов старушку пришил и с квартиры тут же съехал.

Может такое быть?

— Да запросто! — подтвердила я.

А сама подумала: хорошо, что Дарья Михайловна не слышит наших разговоров. Она же всё «тётя Алечка», «Алечка и Малечка», а мы о её «Алечке» — «старушку пришил»... Вовсе без уважения!

Котов на фотографии Феликс, похоже, вообще не заметил. Подумаешь — коты, большое дело... На всех крышах мира всегда же какие-то коты обретаются, и замечают их тогда только, когда они своими криками людям спать мешают. А на фотографии даже орущий кот никому не мешает и никого не интересуется, — вот так примерно рассуждал Феликс. А я получила очередное подтверждение теории, что девочки руководствуются чувствами, а мальчики — здравым смыслом.

— Федя, а что ещё рассказал Севка?

— Ещё он рассказал, что окна были заперты изнутри, и на подоконниках нет следов подошв. Да какие там подошвы, если все окна кактусами заставлены! Через эти колючки только полный идиот лезть захочет! Ну, или космонавт в скафандре...

— Тоже, кстати, вариант... Я хочу сказать — был бы вариант, если бы мы жили в Звёздном городке. Но у нас, в Тимофеевске, скафандр

маловероятен... — покачала я головой.

— Хватит кривляться! Слушай дальше. Старушка сидела в кресле и была одета в домашний халат. Но под халатом на ней была ночная рубашка, а это значит, что старушка уже собиралась спать.

— И что?

— А то, что неожиданные визитёры могли поднять её с постели.

— Или бабушка перед отходом ко сну решила посидеть в кресле и почитать что-то на сон грядущий. Или просто помолиться...

— Ну да, вполне. Из квартиры взяли всё, что только можно было взять. Мебель там, кстати, тоже очень приличная, Коршун говорит — диван, два стула и то кресло, в котором хозяйка сидела, ещё дореволюционного производства, то есть самый настоящий антиквариат. За них можно было бы выручить очень неплохие деньги. Но для этого к дому надо было подогнать грузовик, нанять грузчиков, а на такую наглость воры не отважились. Сева склоняется к мысли, что убийцам нужен был архив, а всё остальное взяли просто так, для отвода глаз.

Я всплеснула руками:

— Вот тебе и столкновение мнений! Наша-то клиентка уверена, что вещи взяли самые обычные грабители, и архив они прихватили просто так, на всякий случай. Но поскольку среди них вряд ли

найдётся хоть один литературовед или историк, то определить истинную ценность находки они просто не в состоянии! Ох, правильно опасается Дарья Михайловна: дорогой её сердцу архив давным-давно оказался на помойке...

— Хватит причитать! Съездила бы лучше в газету, узнала бы там, что да как...

— Есть, мой командир!

И правда, конкретная работа всегда интереснее и продуктивнее гадания на кофейной гуще.

Редакция газеты «Тимофеевск вечерний» располагалась в старинном здании, которое радовало глаз портиком, колоннами, завитушками и прочими архитектурными излишествами. Когда-то давно, ещё до революции, это был особняк знатного вельможи губернского масштаба. Потом, уже после революции, здесь чего только не было — от техникума до горисполкома. Но лет шесть назад для горисполкома построили новое здание, и в старинном особняке расположились разные организации. Один этаж отвели под редакцию «Вечерки».

К моему искреннему удивлению, попасть на приём к главному редактору оказалось легче лёгкого. В приёмной, конечно, сидела секретарь, но свою главную задачу она, похоже, видела не в том,

чтобы ограждать шефа от посетителей, а совсем наоборот — в том, чтобы эти встречи организовывать. Надо же, какая продвинутая секретарша...

Поинтересовавшись, как меня представить, она получила от меня визитную карточку. Прочитала, подняла брови и скользнула за дубовую дверь. Пробыла там недолго, где-то полминуты, снова просочилась в приёмную и сказала:

— Прошу. Валентин Семёнович ждёт вас.

Я вошла в кабинет. Валентин Семёнович оказался квадратным приземистым человеком. Он вышел мне навстречу из-за своего стола, пожал руку, проводил меня до чёрного клеёнчатого дивана довоенного образца, сел рядом со мной и только тогда спросил:

— Чем, как говорится, могу быть полезен?

— Видите ли, я пришла к вам по делу, которое тянется уже несколько месяцев. Милиция не обещает скорых результатов, племянница убитой просто в отчаянии, вот и обратилась к нам за помощью. Я говорю об убийстве Аделаиды Николаевой, старой актрисы.

— Как же, как же, помню... Мы как раз хотели дать в воскресный номер большой материал о ней — с фотографиями, с её воспоминаниями... Но когда её убили, материал пришлось снять с номера. Такая неприятность... Мы тогда так

растерялись, что вы! Материал-то планировался большой, на целый разворот! А когда его сняли, так в спешном порядке пришлось придумывать, чем место заполнять, а это не так просто...

— Зачем же вы материал снимали, если он был практически готов к печати?

— Как зачем? — отшатнулся от меня Валентин Семёнович. — А убийство?..

— Ну и что? — в свою очередь удивилась я. — Наоборот, тираж раскупили бы молниеносно.

— Так вроде не по-человечески...

— Ну, сделали бы приписку: когда материал готовился к печати, пришла скорбная весть — ну, как там пишут в таких случаях... И вот мы, верные почитатели её таланта, данным материалом хотим почтить её память, пусть земля ей будет пухом, и память о ней пусть будет светла... — вдохновенно импровизировала я.

Главный редактор всплеснул пухлыми ладошками:

— Ах, как красиво вы говорите... Жаль, что никто нас не надоумил тогда, а сами мы не догадались. Позвольте, так ведь и сейчас не поздно ещё!

— Да, я тоже считаю, что помянуть человека никогда не поздно, — согласилась я. — А могу я поговорить с теми людьми, которые тогда ездили к Аделаиде Филипповне?

— Да, конечно, они оба ещё работают.

— Что значит «ещё работают»?

— Ну, видите ли, у нас текучесть кадров большая. К тому же сейчас — период летних отпусков, и многие отсутствуют. Но эти оба на месте.

Он вскочил с дивана, подкатился к двери, приоткрыл её и распорядился:

— Шубину и Атовмяна — сюда.

Потом снова подсел ко мне и стал допытываться:

— А что вы у них узнать хотите?

Очень мне хотелось ответить: «Много будешь знать — скоро состаришься». Но с главными редакторами городских газет так разговаривать не принято. А жаль...

Я думала, что с моим цыганским счастьем сейчас кого-то из них на месте не окажется, а может, и обоих сразу.

Но молодые люди явились оба, причём очень быстро.

Главный представил мне их, а им — меня:

— Лиза Шубина, журналистка. Артур Атовмян, фотограф. А это, дети мои, частный детектив Анна Ермолаева.

Последние слова он произнёс вовсе не по памяти. Он в карточку визитную подсмотрел.

«Дети» чувствовали себя в кабинете

начальника очень вольно. Тут же уселись на стулья, причём Артур даже забросил ногу за ногу.

Лиза же сидела ровненько, чинно сложив руки на коленях. Она держала спину очень прямо, подбородок — параллельно полу. Так, наверное, её учил дедушка-артист. Девушка была очень хороша собой. Я просто не могла оторвать от неё взгляд: соломенного цвета кудряшки пушистым облачком обрамляли миловидное личико.

— Простите, ангелочков вокруг своей «Мадонны» Рафаэль не с вас рисовал? — не удержалась я.

— Что рисовал? — не поняла девушка.

— Так, ничего, не обращайтесь внимания... Расскажите мне о вашем визите к Аделаиде Николаевой.

Молодые люди переглянулись. Лиза на секунду закатила глаза, а по губам Артура молнией прозмеилась улыбка.

— Что такое? — вскинулся их шеф. — Вам что, трудно? Человек специально пришёл...

Он вскочил с дивана и пересел за стол. Тут он приосанился, прокашлялся. Видно было, что за начальственным столом он чувствует себя настоящим начальником.

— Почему трудно? Ничего не трудно, — произнёс Артур с ленцой в голосе.

Говорил он совсем без акцента, и я удивилась.

Чистая русская речь как-то плохо вязалась с яркой кавказской внешностью.

Лиза Шубина поспешила объяснить:

— Что проку от наших рассказов, если видели мы её только один раз, а через неделю её вообще убили...

Я вздохнула:

— Я же не об убийстве прошу вас рассказать, а о вашей встрече с этой женщиной. Мне важно знать, о чём она с вами говорила тогда. Может быть, она чего-то боялась?

Газетчики опять переглянулись, но уже недоуменно:

— Да нет вроде бы... Ничего она не боялась.

— Ну, может, прямо и не говорила, а так, намёками?

Лиза пожала плечами:

— Нет вроде бы...

— Лиза, а вы интервью на диктофон записывали или на карандаш?

— И так, и эдак. Если хотите, я могу это интервью найти! — вскочила она. — Я никогда ничего не выбрасываю. Сейчас же всё можно хранить в цифровом варианте! Пойдёмте ко мне, я прямо сразу дам вам его послушать. Можно даже переписать, если хотите.

Валентин Семёнович умильно улыбнулся:

— Вот видите, как счастливо всё

разрешилось! Я буду очень рад, если мы сможем хоть как-то помочь вашему расследованию!

Покинув кабинет гостеприимного шефа, мы втроём пошли по коридору.

Шагов через пять Атовмян сказал:

— Ну, если я вам не нужен, так я пойду по своим делам.

Я заколебалась: нужен он мне или не нужен? С одной стороны, его дело было — фотографии старые отсканировать, так что нового он может мне рассказать? А с другой — он ведь тоже живой человек: мог что-то интересное услышать или увидеть, мало ли...

Пока я так рассуждала, его спина скрылась за поворотом, где коридор расходился тремя лучами: прямо, налево и направо. Не хватало только камня с надписью: «Налево пойдёшь...» — ну, и так далее.

Лиза Шубина только рукой махнула:

— Не расстраивайтесь! Он правда ничем помочь не может, а то бы давно уже всё выложил, как на духу. Он парень очень открытый.

Да уж, открытый... Стоит только вспомнить его змеиную усмешку...

— ... и незачем мне пересказывать вам разговор столетней давности, — продолжала тараторить Лиза. — Вы сами этот разговор можете прослушать, а это же в сто раз лучше, да?

— Безусловно. Я буду вам весьма

признательна, если вам удастся эту запись отыскать.

— Удастся, удастся, — заверила Лиза. — Вы будете его здесь слушать или с собой возьмёте?

Мы уже пришли к её рабочему месту, и она искала в компьютере нужный файл.

— А интервью долгое было?

— Ну, вообще-то беседовали мы довольно долго. Часа четыре, насколько я помню...

— Ого! Тогда я бы взяла запись с собой, если можно.

— Можно, почему же нет... Вот только чистую болванку найду и перепишу вам...

Она минут пять рылась в недрах стола и близлежащих тумбочек, а потом с досадой стукнула кулачком о коленку:

— Вот чёрт, ни одного пустого диска, как назло! Но вы не расстраивайтесь! Я сейчас у кого-нибудь стрельну...

И убежала искать для меня диск. Надо же, раньше «стреляли» только сигареты, а сейчас — пустые болванки...

Ждать её пришлось довольно долго. Видно, пустые болванки — большой дефицит в редакции. Ну да, сейчас же всё перевели на цифру! Сегодня до обеда я получила симпатичную фотографию в цифровом формате, после обеда получу интервью — тоже в цифровом формате. Как удобно! Скоро,

наверное, все уголовные дела будут не подшиваться, а «собираться». Там файллик видовой, тут файллик звуковой, а там и текстовый... Раньше уголовники говорили так: «Менты дело шьют». А теперь им как надо говорить? «Менты дело пишут на цифру»? Так, что ли?..

Вернулась Лиза, радостно потрясая трофеем:

— Вот, еле-еле нашла! Всю редакцию обежала — никто не даёт, такие жлобы! Пришлось к главному идти. Он эти болванки получает, как и прочие канцтовары, а пользоваться ими не умеет. Вот поэтому у него они всегда есть в запасе. Я этот секрет сама разгадала, но никому не говорю, а то наши ушлые сотрудники в два дня его без штанов оставят! Без болванок то есть...

Она вставила диск и поставила компьютер на запись.

Потом повернулась ко мне:

— Кстати, Аня, мне Валентин Семёнович сейчас вот что предложил... Он хочет, чтобы тот материал, который тогда сняли с номера, всё-таки увидел свет. Ну, как бы в память о великой актрисе. Ну, насчёт «великой» я не уверена, но сама мысль мне нравится. Я теперь смогу получить гонорар, который тогда так и не получила, и гонорар немаленький...

— Я искренне за вас рада, — пожала я плечами.

— Да не в гонораре дело! Хотя, конечно, и в нём тоже. Я не договорила... Валентин Семёнович хочет сделать так, чтобы было совсем круто: половину воскресного выпуска посвятить интервью с Аделаидой, а половину — расследованию её смерти.

Я рассмеялась:

— Как интересно звучит: «расследование её смерти»! Он что же, сериал такой сделать хочет? Или постоянную рубрику?

— Нет, не сериал, — покачала она головой. — Он хочет, чтобы я написала об этом по окончании вашего расследования.

— Долго ждать придётся. Вон, милиция уже сдалась. Три месяца — псу под хвост. Больше даже... И никаких конкретных результатов. А у нас, между прочим, возможности куда скромнее! Мозгов-то у нас, может, и поболее будет, но вот полномочий нет практически никаких... Так что ждать от нашей работы молниеносного блестящего результата — дело зряшное. И если ваш редактор всё-таки намерен давать эти два материала в связке, то боюсь, гонорара вам не увидеть вовек! Так что мой вам совет: давайте статью просто так, саму по себе, а что там получится с расследованием — это уж как бог даст...

Лиза хмурилась и кусала нижнюю губку:

— Вот вы сказали — «сериал»... В насмешку

сказали. А я подумала: ведь можно и в самом деле такое сделать! Ну, вы будете нам сообщать «сводки с передовой», а мы будем их печатать, и тиражи у нас взлетят до небес!

У неё от такой перспективы даже дыхание сбилось и глаза заблестели.

Я глянула на неё укоризненно:

— Лиза, вы в своём уме? А как же тайна следствия? Ведь преступники у нас тоже грамотные, читать умеют. Будут по вашей газете отслеживать все наши действия, будут выскальзывать из любой западни, и тогда мы их никогда не найдём!

— Ничего страшного! Зато мы надолго привяжем к себе читателей!

— Лиза, вы же интеллигентная девушка! — упрекнула я её. — Как это «ничего страшного»?

Она спохватилась:

— Ну, я имела в виду, что горю-то не поможешь, бабушку эту всё равно не вернёшь... А наши тиражи...

— Тайна следствия, — напомнила я, назидательно подняв указательный палец.

— Да, это я не подумала, — закручинилась она. — А вообще-то мысль была хорошая, согласитесь!

Я пожала плечами, забрала диск с текстом беседы и ушла.

Феликс всё ещё был на месте. Да что он, к стулу прирос, что ли? Конец рабочего дня, а он как пришёл с утра на работу, так до конца рабочего дня и не покинул родные стены.

— Федя, ты что, корни здесь пустил? А работать за тебя кто будет? Я не могу одна успевать на всех фронтах!

— А я, Нюрок, работаю. Мне в голову вот какая мысль пришла: проверить Интернет-сайты по продаже всяких раритетных штучек. Ну, на предмет продажи тех драгоценных писем. Пока ты по редакциям прохлаждалась, я тут в поте лица рыскал по Интернету, и представь, не зря! Нашёл! Продают наши письма, и даже фотографии их вывесили. Я распечатал, вот, посмотри...

Я посмотрела. Да, фотографии были очень приличного качества, только не рассмотреть было, что именно там написано. Но почерк авторов просматривался очень хорошо. Были и письма, были и просто стихи, написанные, как и положено, в столбик. Словом, всё было именно так, как говорила уважаемая Дарья Михайловна.

Я присвистнула:

— Вот так номер... Выходит, к Аделаиде влезли специально, чтобы именно эти бумажки похитить?

— Не обязательно. Не стоит выпускать из

виду такой ещё вариант: настоящие преступники действительно не знали цены этим пожелтевшим листочкам, поэтому их просто выбросили или сдали кому-то за бесценок. Потом вещи эти попали в руки человеку сведущему, который сумел разобраться в их истинной ценности. Причём не суть важно, как именно они к нему попали, пускай даже с помойки... Хотя нет, вот это как раз и важно! Если он знает тех людей, кто эти письма ему передал, так он и нас на них выведет! А уж оттуда до раскрытия убийства — рукой подать.

— Ну, так в чём же дело? Спишись с продавцом, предложи требуемую сумму, и дело в шляпе!

— Ой, не скажи... Тут дело тонкое... Надо точно знать рыночную стоимость таких вещей, чтобы продавец понял, что имеет дело с настоящим покупателем. Ведь если согласиться на любую сумму, продавец заподозрит неладное и тут же в тень нырнёт. Ищи его потом... К тому же в переписке, я думаю, надо будет оперировать такими терминами, которые знакомы только специалистам. А из меня какой литературовед или антиквар?

— Вовсе никакой, — согласилась я. — Что же делать?

— А делать нам надо вот что... Я теперь просто вынужден работать в тесном контакте с родными правоохранительными органами.

— Зачем это? Они же способны только тормозить работу...

— Ну, и от них изредка бывает польза. Например, они могут пригласить самого известного антиквара для того, чтобы получить исчерпывающую консультацию по любому вопросу, даже самому сложному. И он им эту консультацию даст, причём денег точно не запросит! Наоборот, будет чувствовать себя польщённым, да ещё на карточке визитной приписку сделает: «консультант областной прокуратуры», например. Ну, это как раньше было: если купец хоть один раз продал что-то монаршей персоне, он уже гордо именовался «поставщик королевского двора». А вздумай я попросить у того же эксперта точно такую же консультацию, так он долго будет кочевряжиться, цену себе набивать, сдерёт с меня уйму денег, а консультацию даст так, через пень-колоду... Я же не милиция, чего меня бояться?

— Какой ты умный, братец! — привычно восхитилась я. — Не зря Понизовкина обратилась именно к нам!

— Ну, во-первых, она бы никогда не узнала о нашем существовании, если бы не Сева Коршун, так что это его заслуга, а не её. Во-вторых, я у тебя вот что спросить хочу: что ты думаешь об этой самой Понизовкиной?

Я даже растерялась:

— А что конкретно тебя интересует? Что именно я должна о ней думать?

— А ты попробуй порассуждать о ней в таком вот ключе: не может ли она из нашей клиентки превратиться в подозреваемую?

— Это как?..

Я до этого мерила шагами кабинет, а тут от неожиданности плюхнулась на гостевой стул. И то спасибо, что он подвернулся, а то бы я плюхнулась прямо на пол.

— Как, как... А вот так! Живёт себе старая тётушка, чувствует приближение смерти и наказывает племяннице отдать раритетные вещицы в местный музей. А племянница, допустим, хорошо знает цену этим вещам. Я имею в виду рыночную цену. И очень ей не хочется отдавать их бесплатно, просто так.

— Федя, подожди! — замотала я головой. — Подумай, что ты говоришь... Ведь Дарья Михайловна сказала, что должна была передать эти письма в музей только после смерти тётушки. Ну, а если бы она и впрямь надумала их продать — так и на здоровье! Никто бы не был в претензии. Тем более что о существовании этого архива знали только очень немногие люди, да и то большого значения ему не придавали. Одним словом, памятником старины этот архив не считался и

государством не охранялся. Так зачем же идти на убийство родной тётки?

Феликс пожал плечами:

— Ну, может, ей деньги срочно понадобились, а тётка умирать даже не собиралась. А может, Аделаида вздумала отдать эти письма в музей ещё при жизни, чтобы убедиться, что архив попал в надёжные руки. Ведь мы же только со слов самой Понизовкиной знаем, что архив должен был перебраться в музей после смерти тётушки. А на самом деле могло оказаться, что *до*, а не *после*.

Я в изнеможении приложила руку ко лбу:

— Ой, мама дорогая... Ты такие вещи говоришь, что меня сейчас кондрашка хватит... Я же только-только подружилась с дражайшей Дарьей Михайловной, а ты...

— «Подружилась»... — передразнил меня Феликс. — К выбору подруг надо подходить крайне осмотрительно!

— Но она ведь пожилая, с одышкой...

— А ты на это не смотри. Знаешь, какие боевые бывают старики-разбойники! Вот смотри: квартира у старушки была, как водится, приватизированная. После её смерти должна достаться кому? Любимой племяннице, больше ведь некому. И архив драгоценный зачем же сдавать в музей, чтобы он сгинул в запасниках, когда можно его продать через Интернет? Да и

квартира денег стоит... Собственно говоря, квартира сама по себе такой ценный приз, что ради этого приза можно пойти на многое. Я даже думал с утра, что все эти ахи и вздохи про бесценный архив — так, разговоры одни. Для отвода глаз. А сейчас вот, когда нашёл эти лоты в Интернете, уже так не думаю. Наша старушка с одышкой могла захотеть хапнуть все деньги сразу — и за квартиру, и за архив, и за мебель антикварную. К тому же не такая уж она и старушка. Сколько ей? Лет шестьдесят — шестьдесят пять? А может, всего-то пятьдесят восемь! Кстати, неплохо бы это выяснить... Но в любом случае — ей даже до восьмидесяти ещё далеко. А уж до ста лет... Да ей ещё жить и жить, а на хорошую жизнь денег требуется немало!

— А в том доме почти все квартиры выкуплены для сдачи внаём, — вспомнила я. — Может, и на квартиру Аделаиды глаз положили, да не соглашалась она... А вот племянница деньгами соблазнилась.

Поскольку за окном уже давно «вечер чёрные брови насопил», я решила, что на сегодня с меня хватит. Так ведь и свихнуться недолго! Оставив Феликса и дальше забавляться на предмет Интернет-аукционов, я поехала домой.

На душе у меня было так муторно, что и не передать.

Приехав домой, я первым делом заварила себе чайку покрепче и долго стояла у окна с дымящейся чашкой в руке. Ну, за сегодня вокруг меня произошло столько событий, что поневоле задумаешься... Убитая горем пенсионерка, которая сама может оказаться убийцей; смешливая художница с фотоаппаратом; русскоговорящий армянин со змеиной усмешкой; девочка-одуванчик Лиза Шубина, которой наплевать на тайну следствия, лишь бы тиражи её газеты взлетели до небес...

Кстати, о Лизе Шубиной... Что же это я стою здесь, бездельничаю, а у меня там интервью непослушанное?!

Отставив чашку, я с головой влезла в свою безразмерную сумку, отыскала диск, вставила его в компьютер и стала слушать.

Ну, строго говоря, это было не то чтобы интервью, а скорее — разговор у самовара. Я узнала голоса Лизы Шубиной и Дарьи Михайловны. Третий голос — хорошо поставленный, но как бы с трещиной — принадлежал, безусловно, Аделаиде Николаевой. Безупречная дикция, правильная артикуляция, всегда нужная интонация, умение выделить в разговоре главное выдавали в ней служительницу Мельпомены. Голос, конечно, уже сильно дрожал от старости, но ошибиться было невозможно: это

был голос драматической актрисы.

В самом начале разговора речь шла о двух сестричках — Алечке и Малечке, то есть об Аделаиде и Матильде. Ну, здесь я узнала не так уж много нового, потому что практически то же рассказывала нам Дарья Михайловна.

Потом Аделаида завела речь о молодых годах своей бабушки: жизнь в Петербурге, декаданс, литературные кружки, знакомство с людьми, которые потом стали гордостью русской литературы...

Из этой части разговора сведений я почерпнула немного больше, чем из первого разговора с Понизовкиной, но сведения эти были скорее из разряда общей эрудиции и не проливали ни капли света на недавнее преступление. Нет, вряд ли ниточка тянется из тех событий столетней давности! Хотя рассказ старой актрисы подтверждал: да, были листочки с новыми (на тот момент) стихами, собственноручно написанными великими людьми. И письма более поздних лет тоже были.

По шуршанию можно было определить, что хозяйка дома, рассказывая о делах давно минувших дней, любовно перебирает листочки, уносясь мыслями в дореволюционные времена. Когда она что-то забывала или в чём-то сомневалась, ей на помощь приходила Дарья Михайловна.

Чувствовалось, что и тётушка, и племянница очень хорошо знают материал. Видно, и впрямь в семье этой царил культ того времени и тех событий.

Да уж, Понизовкина явно не ошибается, говоря о бесценности данного архива... Может быть, и не зря Феликс взял её на подозрение! Интересно, это злоумышленники лишили её двух самых больших ценностей в жизни — тётушки и архива, или это сама она лишила жизни родную тётку ради того, чтобы стать единственной владелицей и распорядительницей бесценного сокровища?..

Потом разговор перекинулся на творческую жизнь Аделаиды Филипповны, что и было главной составляющей предполагаемой статьи. Мне было не очень интересно слушать её воспоминания о былых аншлагах, о главных ролях в спектаклях и о бенефисах, которые имели место задолго до моего рождения. Но я всё равно добросовестно слушала эту галиматью, потому что боялась пропустить что-нибудь действительно важное.

Запись беседы и в самом деле заняла три с лишним часа. Я за это время успела не только чай выпить, я также успела достаточно плотно поужинать, подпилить ногти, стереть с них старый лак и нанести новый. К концу прослушивания лак уже абсолютно высох, а сама я отчаянно боролась с дремотой, которая так и норовила меня сморить.

Наконец-то запись закончилась, я радостно вскочила с дивана, выключила компьютер и поплелась спать, запретив себе даже думать на эту тему. Ещё не хватало! Мало того, что полночи потрачено на прослушивание неинтересного и бесполезного разговора, так ещё и сон могу спугнуть, если начну анализировать услышанное. Да и нечего там анализировать! Так, обрывочные и бессистемные воспоминания ностальгирующей старушечки. Фигня какая-то...

Подумать только: а ведь есть же люди, которые вполне осознанно идут работать в «прослушку»! Интересно, на каком году своей работы они вешаются?

Утром я довольно рано приехала в агентство, но братец уже сидел за компьютером и работал в поте лица.

Я удивилась:

— А ты что, так и не уходил отсюда?

— Почему не уходил? Ушёл ненадолго, вздремнул, а чуть свет — снова сюда.

Он так смачно потянулся, что аж кости хрустнули.

— Вижу, не выспался. Да и я тоже, знаешь ли... Полночи слушала интервью с убиенной старушкой! Думала, что хоть что-то станет ясным, за что-то можно будет зацепиться...

— И как?

— Да никак. Ничего интересного. Зря только время потратила. Об архиве она, конечно, говорила много, о тех благословенных временах, когда всё это писалось, рассказывала взахлёб, как будто сама она была участницей тех событий. Если что-то забывала, племянница ей суфлировала. Но вот что интересно: старушка ни одного раза даже не обмолвилась о том, что кто-то покушается на её бесценное сокровище. Ни разу! Более того, она говорила об архиве так спокойно, даже с удовольствием... Словом, чувствовала себя довольно безмятежно. Что бы это значило?

— А это значит, что ей в голову не могло прийти, что с архивом и с ней лично может что-то случиться. То есть кто бы ни оказался преступником — пришлые люди или родная племянница, — на тот момент они себя пока что никак не обозначили и не дали ей повода к беспокойству. Ещё что-нибудь тебя насторожило?

— Да. Во время всей записи меня что-то мучило, что-то не давало покоя. Я никак не могла понять, что именно. А сегодня, по пути на работу, я сообразила: во время всего разговора я ни разу не услышала голоса Артура Атовмяна, редакционного фотографа. Но главный редактор сказал (и Дарья Михайловна это подтвердила), что на задание он послал двоих: журналистку и фотографа. Почему на

записи нет его голоса? Он что, не доехал туда?

— Глупости! Как это «не доехал»?
Понизовкина же нам сразу сказала, что на интервью приехали двое: девочка и мальчик, причём мальчик-фотограф взял старые фотографии и афиши, чтобы их переснять, обработать на компьютере и потом использовать в материале. Значит, был мальчик!

Я удивлённо хмыкнула:

— А если был, то куда же делся?

— Ну, молчал просто...

— Три с половиной часа?... Какой молчаливый мальчик... А может, он во время беседы журналистки со старыми дамами тихонечко облазил в квартире все закоулки? А может, Лиза Шубина зачем-то стёрла его разговор? Зачем, почему? А может, он именно тогда всё и украл, а старушку пришили уже после?

— Зачем?

— Резонный вопрос... Ну, например, чтобы замести следы преступления.

— Аня, ты думалку-то включи! — постучал Феликс пальцем по лбу. — Даже если этот фотограф был в сговоре с журналисткой и архив потихонечку стянули именно они, то им ничего особенного бы не грозило, даже если эта кража вышла бы наружу. Ну, сказали бы, что прихватили случайно... Да, кстати, вот хорошая версия:

прихватили, дескать, старые письма вместе со старыми фотографиями, чтобы отсканировать для газеты. Потом, мол, вернуть собирались, да затерялись письма, найти не удалось... И кражу эту никто бы не посчитал преступлением. А ты говоришь, что они, чтобы замести следы этого даже и не преступления, забираются к бабке в дом и убивают её? То есть, чтобы замести следы детской шалости, они дополнительно наследили лет так на десять строгого режима. Или даже на пожизненное... Хороша версия, ничего не скажешь! И почему у тебя возникла такая мысль? Что, у этих корреспондентов такой бандитский вид?

Я разозлилась:

— Федя, ты же сам меня учил, что обычно искомый преступник меньше всего похож на преступника!

— Правильно, учил. Ведь если по человеку сразу видно, что он — бандит, и к этому ещё и факты прилагаются, то надобность в нас, частных детективах, отпадает. Суду и так всё ясно. А вот когда не ясно ничего, тогда-то к нам и бегут! Поэтому я и заподозрил убитую горем племянницу в том, что это она виновна в смерти тётушки. Кстати, у корреспондентов этих мог быть мотив? Ну, помимо желания завладеть архивом...

— Ну откуда же я знаю... Да они и к архиву, мне кажется, отнеслись весьма прохладно. Мне

кажется, современной молодёжи абсолютно неинтересны старые письма, старые афиши, старые бабульки... По себе сужу.

— Замечательно! А все люди вокруг должны думать, как ты, и поступать, как ты? Без вариантов?

— Чего придираешься?

— Потому что ты ничего умного не сказала, а от работы меня оторвала.

— Ой, подумаешь... Вот сейчас поеду в редакцию и прямо в лоб спрошу этого фотографа, почему на записи нет его голоса! Очень мне его змеиная ухмылка не понравилась...

— Вот и правильно, вот и умница! Ты езжай, развлекайся, а я хоть поработаю в тишине и покое...

Я обиделась и с досады так хлопнула дверью кабинета, что Глафира, наша секретарша, аж подпрыгнула на месте:

— Ой... Ты чего это так дверью бьёшь? Так недолго и дом разрушить. У нас же первый этаж, забыла разве?

— И что?

— А то, что все прочие этажи рухнут нам на голову, и тогда никакое МЧС нам уже не поможет. Ты мне своим гроыханьем все мозги отбила!

— Ой, было бы что отбивать... Или ты в самом деле мозгами обзавелась?

— Фе-е-ели-и-икс! — заорала она. — Анька

снова дразнится!

Я выскочила на улицу. Вот только братских подзатыльников мне сейчас не хватает! Впрочем, после перепалки с Глашкой я всегда чувствую себя немножко лучше. Всё-таки какой-никакой сброс напряжения. А эта дурочка даже ответить толком не умеет, только и знает, что ныть да ябедничать.

В редакции «Вечерки» я застала обычный редакционный дурдом: кто-то сидел у компьютера и стучал по клавишам, кто-то носился по коридорам, кто-то орал в телефон. Но были и такие, кому удавалось сохранять олимпийское спокойствие и мирно курить на лестнице около старинной урны в виде пингвина с открытым ртом. Надо же, какой-то шутник притащил сюда этот шедевр дизайнерской мысли и тем самым сберёг его для истории!

Когда я была совсем малышкой, такие урны стояли у нас по всему городу: на площадях, на вокзалах, у магазинов. В чьей больной голове зародилась эта необъяснимая фантазия, мы, скорее всего, никогда не узнаем. А это плохо, потому что народ должен знать своих героев в лицо и по фамилии. Не знаю, как другим детям, а мне, например, всегда было стыдно бросать мусор в доверчиво открытый клюв. Ярко раскрашенный железный пингвин стоял у входа в гастроном, и в

его распахнутый клюв вместо ожидаемой рыбёшки летели скомканные бумажки, шелуха от семечек, а то и смачные плевки. Спрашивается: чему это должно было научить нас, детей? Трепетному отношению к братьям нашим меньшим?

Слава богу, что эти садистские урны ушли в прошлое вместе с недоразвитым социализмом. И теперь, увидав такую штуку здесь, в редакции, я будто получила неожиданный привет из детства.

Где искать Артура Атовмяна, я не знала, поэтому решила сначала разыскать Елизавету Шубину, а уж у неё спросить, где Артур.

К счастью, искать Лизу долго не пришлось. Она сидела на своём рабочем месте и лупила по клавишам. Работой своей она была увлечена настолько, что даже не сразу меня заметила. Мне даже пришлось деликатно кашлянуть, чтобы обратить на себя внимание.

Оторвавшись от клавиатуры, она согрела меня тёплой улыбкой:

— Вы можете подождать минуты три? Я закончу материал...

— Без проблем. Я посижу здесь, ладно?

— Ладно.

Она продолжила свою работу, а я бесцельно перебирала рассыпанные по столу листочки с напечатанным текстом. Попробовала читать: тематика была самая разнообразная — от качества

школьных завтраков до перспектив развития нашей области в целом. Ничего себе диапазон!

— Это что, всё пойдёт в номер?

— Что вы! — засмеялась Лиза. — Все эти материалы давным-давно вышли. А листочки — это так называемые «оборотки». Ну, черновики, что ли... Там же с обратной стороны чистая страничка остаётся, вот мы их и используем — для записей, например, или чтобы выводить на бумагу то, что надо отдавать на вычитку. Вот, смотрите!

Она заправила в принтер статью о школьных завтраках, и на обратной стороне, на чистой, появился тот текст, который она печатала только что.

— Лиза, я спросить у вас хотела: где мне найти Атовмяна?

— Ой, да он может быть где угодно. Поискать надо...

— А где конкретно искать?

— Так говорю же: где угодно! Он может оказаться в любой комнате! А зачем он вам нужен?

— Побеседовать хочу. С вами я вчера плотно пообщалась, а вот от него пока что и слова не услышала.

— Знаете что? Я сейчас пойду в корректорскую, отдам на вычитку этот материал, а заодно постараюсь по дороге найти вам Артура.

— Ладно, я подожду, если это недолго.

— Ну, скажем так: не очень долго. Мне ещё до корректорской надо заглянуть к главному редактору, получить здесь его визу, — она помахала свежераспечатанным листочком. — Но Артура я вам найду, обещаю! И сюда его пригоню...

— Спасибо вам большое! А можно я в ваше отсутствие воспользуюсь компьютером?

— Да ради бога, сколько угодно! Вам тоже надо что-то распечатать?

— Нет, я просто хочу свою почту просмотреть. Целыми днями в бегах, а вдруг там что-то важное для меня пришло...

Она убежала получать визу на материале, а я села к компьютеру и вошла в Интернет.

Когда Лиза вернулась, я взахлёб читала свежие анекдоты на сайте «Умора. ру».

— Что пишут? Есть новости?

Я помотала головой:

— Не-а. Абсолютно пустой почтовый ящик, если не считать нескольких килограммов спама. Вы свою визу получили?

— Угу. И отдала материал корректорам.

— Артура нашли?

Она присела на краешек стула и улыбнулась извиняющейся улыбкой:

— Нашла, можно сказать. Только его сейчас в

редакции нет. Ребята сказали — поехал на фотовыставку. Вот, я даже адрес для вас взяла.

И она застенчиво придвинула мне листочек с адресом.

Я взяла листочек, прочитала адрес и вздохнула:

— Господи, глухомань какая... А что там? Галерея?

— Сказали, что вроде бы Дом культуры, что ли... Поедете? Может, дело терпит до завтра? Он же завтра с утра на работе будет!

Я немножко посомневалась, а потом решила:

— Поеду! Завтра он уедет снова кого-нибудь фотографировать, послезавтра его в командировку зашлют, и так — до бесконечности.

Лиза пожала изящными плечиками:

— Ну, как хотите... В принципе, ваша работа сродни нашей, журналистской. У нас бывает так, что опоздаешь на чуть-чуть, всего-то на какие-то полчаса, а глядишь — сенсация из рук выскользнула. Ой, так обидно тогда — не передать! Так что раз уж собрались ехать — поезжайте. Удачи вам тогда!

— Благодарю. Она мне очень пригодится.

Очень приятная девушка эта Лиза. Сразу видно, что из интеллигентной семьи, что дедушка — актёр. И вообще, мне кажется, всегда лучше общаться с воспитанными девушками, нежели с

невоспитанными юношами, особенно если у тех — змеиная усмешка...

Или просто я — воинствующая феминистка?..

Когда я наконец-то отыскала тот самый Дом культуры, солнце было уже в зените. Полдня прошло, а я за сегодня так мало сделала...

На входе висело объявление, из которого я узнала, что здесь проходит выставка фоторабот, посвящённых нашей тихой речке Тимофеевке. Название выставке дали очень изящное: «Царевна-речка». Неплохо!

Я вошла внутрь и стала осматривать экспозицию. Симпатично, мило. Фотографий было много, экспозиция была выполнена в виде лабиринта, и я в этом лабиринте блуждала в полном одиночестве. Вот не любят наши люди отчего-то посещать выставки! А зря, между прочим. Наша Тимофеевка, оказывается, очень даже ничего речушка! Такие берега живописные... А люди не хотят прийти посмотреть на это чудо.

Кстати, я бы тоже сюда и не подумала прийти, если бы нужда не заставила. Интересно, где мне искать Атовмяна? И что он здесь делает? Ну, понятно что: переснимает чужие фотографии, чтобы потом вставить в репортаж. Тоже мне, работа для настоящего мужчины...

Наконец под стендом я обнаружила женские

ноги и по направлению движения вычислила, что посетительница движется мне навстречу. На повороте мы встретились, и встреча эта повергла в шок нас обеих.

В общем, я нос к носу столкнулась... с Анжелой Малеевой.

— Аня?!

— Анжела?!.

Вот так номер! Встреча на далёком меридиане... Приятно, конечно, в таком захолустье встретить знакомое лицо, но я-то совсем на другое лицо рассчитывала!

— Аня, вы интересуетесь фотографией?

— Честно сказать, не очень. Но зато я очень интересуюсь одним человеком, который сейчас должен быть здесь, на выставке. А вы что же, решили бросить живопись и всё-таки переключиться на фотографию?

Она прошептала мне на ухо:

— И я вам могу сказать честно: я пришла сюда за темами.

— ???

— Ну, пейзажи с водой идут очень хорошо. Вот стог сена или цветущее дерево, как бы классно они ни были выполнены, могут по полгода не продаваться. А если в пейзаже присутствует вода, то купят его очень быстро! Конечно, это если водоём выписан удачно. А я воду писать умею! То

есть «Девятый вал» Айвазовского мне вряд ли удастся осилить, а вот тихую речушку с прибрежными красотами я напишу запросто! Просто я терпеть не могу работать на пленэре — ну, это же мухи, комары, жара, к тому же у меня нет машины, чтобы ездить за город. А тащиться с этюдником за город на электричке, да там ещё натуру выбирать... Пока найдёшь, пока разложишься, пока настроишься, глядь — а освещение уже изменилось. Ой, вы не поверите, как быстро уходит свет! И потом, я же не могу картину закончить за полдня. А это значит, что придётся ездить туда и завтра, и послезавтра, и ещё много раз, а кому ж охота?

— Ну, кому-то, может, и охота, — указала я на фотоработы.

— Что же вы сравниваете! Они же один раз щёлкнули и уехали!

— А вы что, бродите здесь и напиваетесь духом дикой природы? Или самые красивые виды запоминаете?

Она вздохнула:

— Да разве их запомнишь?.. Я просто иногда покупаю у авторов их работы. Или прошу подарить. Знаете, дарят, причём с удовольствием. Ну, любому же автору приятно, когда его работы оценены по достоинству и востребованы... А потом я с этих фоток и рисую свои пейзажики.